

— Я не сравнюсь с Цзы-цзы и знаю, что мой цветок очень уродлив, но...

Терпя боль, Вэнь Шань тихо проговорил:

— Но прошу хозяина, не брезгуйте им, потому что я... потому что я...

Потому что это было единственное, что он мог преподнести Сы Юэ.

Если бы он мог принять человеческий облик, если бы только он мог принять человеческий облик...

Вэнь Шань опустил голову, голос его затих, и в конце концов воцарилось мертвенное молчание.

Он потерял сознание.

Истощение десятилетней базы культивации и срезанный второй цветок на главном стебле — словно отсекли половину его собственного тела — в конце концов лишили его чувств, погрузив в темную бездну бесконечного падения.

Сы Юэ посмотрел на мягко распростертое на земле тело маленькой травинки и протянул руку, проведя по месту, где был срезан цветок.

Бессмертная энергия непрерывным потоком перетекала из его пальцев в тело травинки, а в его взгляде промелькнула едва уловимая, почти невидимая нежность.

— Глупышка, — мягко произнес он. — Я не брезгую.

Вэнь Шань пришел в себя под непрекращающиеся вопли А-Эр.

— А-а-а-а, хозяин, я виноват, я виноват! Прости меня! А-а-а-а, как же так?!

А-Эр причитал:

— Как нас могло забросить на триста лет назад?!

Стоило этим словам прозвучать, как в один миг прояснилась еще секунду назад царившая в голове полнейшая неразбериха.

Вэнь Шань резко вскочил с постели и ошеломленно уставился на А-Эр:

— Что ты сказал?

Что значит — на триста лет назад?

А-Эр виновато забормотал:

— Ну... я случайно, возможно... в общем, кажется, перепутал время перемещения...

Вэнь Шань машинально скомкал в кулаке одеяло, и в его взгляде промелькнула вспышка гнева:

— И что с того?

А-Эр робко пискнул:

— И... и поэтому... меня, в общем, случайно занесло тебя на триста лет раньше начала сюжета.

У Вэнь Шаня потемвело в глазах.

— То есть ты хочешь сказать, что я должен пробыть в этом мире по меньшей мере триста с лишним лет?

На миловидном лице юноши проступило свирепое выражение, и гнев был буквально написан на лбу:

— А-Эр! Неужели ты не способен сделать хоть что-то нормально?!

Сначала ему казалось, что от А-Эр еще есть толк, но — кто бы мог подумать, что уже во втором мире эта скотина покажет свою полную несостоятельность?

В первом мире она напрямую принудительно выбросила его из системы, из-за чего он потерпел неудачу, но во втором?

Сюжет еще даже не начался, какого чёрта он должен сводить главных героев?!

Не говоря уже о том, что главный герой — это тот, кто ему нравится. Вэнь Шань думал об этом всё больше и больше, и злость закипала в нём с новой силой. На какое-то время у него даже пропало желание говорить. Он сердито зыркнул на А-Эра и уже было хотел его отчитать, как вдруг его зрачки расширились, и он с растерянным выражением лица опустил взгляд на собственные руки.

Да.

Это были руки.

Белые, с лёгким детским пухлым налётом, а когда он растопыривал ладони, на них даже виднелись крошечные ямочки. Розовые, нежные, до безумия милые.

Вэнь Шань пришёл в дикий восток. Он резко соскочил с постели, даже не успев выругать А-Эра, и вот так — в одном лишь белом нижнем халате, босиком — ступил на пол.

— А-а-а-а! Я принял человеческий облик!

Счастливый Вэнь Шань зажал щеки руками и сделал круг по комнате, после чего отыскал бронзовое зеркало и стал с довольным видом любоваться в него.

Он увидел в зеркале своё лицо.

Чистое и милое лицо с изящными, очаровательными бровями и глазами. На круглых щёчках всё ещё играл лёгкий детский пухлости румянец, а мелкие черты лица выглядели исключительно правильными.

Он приподнял брови — человек в зеркале тут же вскинул брови вслед за ним.

Он скривил губы — человек в зеркале тут же скривил губы точно так же.

Глядя на собственное отражение, он вдруг почувствовал, как из глубин его существа бушующим потоком хлынула безграничная жизненная сила. Ему захотелось бежать под лучами солнца, купаться в весеннем ветерке, резвиться среди цветов и травы и разделить свою радость с тем самым человеком.

Юноша прижал к груди бронзовое зеркало, до ушей разинув рот и по-дурацки улыбаясь, и тут же со всех ног бросился к выходу из дома.

А-Эр пару раз тревожно окликнул его: — Ай, ай! — но вернуть внимание Вэнь Шаня не смог. Он так и смотрел во все глаза на то, как тот убегает, и вся Система погрузилась в загадочное молчание.

Однако Вэнь Шаню было совершенно всё равно, что там думает этот негодяй А-Эр.

Сейчас в его голове было лишь одно желание — поделиться радостью от принятия человеческого облика с Сы Юэ.

Но едва вылетев за дверь и пробежав совсем немного, он стукнул босыми ногами по холодной гальке, и к нему разом вернулось хладнокровие.

Он поднял глаза на просторные и величественные палаты перед собой. Окружавшие его длинные галереи поражали своей грандиозностью, напоминая искусные фрески, сам же он стоял посредине узкой дорожки из гальки, соединяющей галерею с садом, и походил на крошечное белое зернышко риса, выглядя здесь совершенно чужеродно.

Шаги Вэнь Шаня постепенно замедлились. Он опустил взгляд на тёплый нефрит, по которому ступал босыми стопами, и лёгкая прохлада, исходившая от пола, в мгновение ока остудила пламя радости в его сердце.

Юноша с бронзовым зеркалом в руках в растерянности замер на месте, не зная, куда деваться.

Где комната Сы Юэ?

Сы Юэ вообще всё ещё во дворецких покоях?

Сколько дней он вообще проспал? Тройные загадочные вопросы, идущие из глубин души, повергли его в растерянность и беспомощность.

Он прижал к себе бронзовое зеркало, его изящные брови сурово сдвинулись, на переносице словно выросли крутые горы, и что-то стало карабкаться наверх, круг за кругом обвивая межбровье. Постепенно светлая улыбка окрасилась ноткой тревоги.

Юноша присел на корточки на землю. Подошвы ног были ледяными, немного зябко, поэтому он то и дело топал ногами, то сгибая, то разгибая пальцы. Его чистый и ясный взгляд был устремлен на круглые и аккуратные пальчики ног.

Такой изящности у него, бывшего заядлого грубияна, отродясь не было.

Вэнь Шань поджал губы и только собрался опустить ногу, как вдруг услышал доносящиеся из дальнего конца коридора шаги. Цок-цок, они постепенно приближались.

Его глаза зажглись, он встал и посмотрел на того, кто шел навстречу.

— Эй? Ты проснулся?

В глазах Вэнь Шаня промелькнуло разочарование, он опустил голову и кивнул.

Пришедший нес охапку одежды. На вид ему было лет семнадцать-восемь, длинные волосы, черные глаза, мягкие и красивые черты лица — разве это не тот самый мальчик-слуга, что

привел его к зарослям глицинии?

Взгляд мальчика на мгновение замер на Вэнь Шане, а когда скользнул по его босым стопам, в глубине глаз промелькнуло недовольство.

— Безобразие! Раз ты проснулся, почему не ждал меня в комнате?

Мальчик протянул руку и постучал юношу по лбу — не сильно и не слабо, а в его голосе не было и следа враждебности: — Сначала вернись со мной и оденься.

Вэнь Шань выдавил из себя тихое «о», бессознательно поджав пальцы ног, и семенящей походкой поплелся за мальчиком.

Пройдя немного, он наконец не выдержал и подал голос: — Послушай...

В глазах и на лице юноши читались растерянность и смятение: — Скажи, а ты, ты знаешь, где Сы Юэ?

Брови мальчика сошлись на переносице: — Разве тебе, такому ничтожному младшему, позволено произносить имя господина?

Вэнь Шань, не ожидавший такого нагоняя, почувствовал, как в сердце волной хлынула жгучая обида — ему стало и тошно, и плакать захотелось.

Раньше у него совсем не такой характер был.

Но ничего не поделаешь, да и А-Эр невесть что натворил: стоило ему вселиться в тело, как он поддался влиянию прежнего владельца, и его характер стал мягкотелым.

Юноша подумал: если бы ему представился шанс, он бы хотел восстать, ну или хотя бы научиться грозно злиться.

Но...

— Так ты знаешь, где хозяин?

Вэнь Шань не удержался и снова задал вопрос, а в его глазах плескалось ожидание.

Мальчик встретился взглядом с влажными глазами юноши, помолчал немного и кашлянул: — Господин работает в кабинете.

Вэнь Шань радостно засиял, тут же восторженно вскрикнул и со всех ног бросился прочь из поля зрения мальчика, оставив лишь короткую брошенную на ходу фразу:

— Я пойду искать хозяина!

Протянутая рука мальчика так и осталась висеть в воздухе, не успев его остановить. Он лишь молча проводил его взглядом: — Постои... погоди... Кабинет вообще-то в другой стороне...

Мальчик опустил голову, глядя на новую одежду в своих руках, и с полдня молча подбирал слова. В конце концов он все же отнес вещи обратно в комнату юноши.

Вэнь Шань не знал, сколько времени бродил по поместью.

Когда он наконец отыскал кабинет, небо уже потемнело. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев от слабого ветерка да редким щебетанием птиц.

— Глупышка, глупышка.

Птица, сидевшая на дереве, свысока посмотрела на юношу, и в ее глазах промелькнуло почти человеческое презрение: — Дурачок, дурачок!

Вэнь Шань и без того был не в духе, а после целого дня ходьбы по ледяным нефритовым плитам, колким камешкам и стертым в кровь волдырям он вымотался настолько, что от прежнего боевого настроения не осталось и следа. И тут его еще какая-то птица обзывает! В его сердце мгновенно вспыхнула слепая ярость.

— Сам ты дурачок! Сам ты глупышка!

Он упер руки в боки босиком, его пухлые щеки надулись, изо всех сил изображая свирепое выражение лица, и он злобно уставился на тугодума наверху: — Смеешь еще раз такое сказать, а?!

Птица открыла клюв и выдала:

— Глупышка, олух!

Вэнь Шань: — ...

Юноша замер.

Он, должно быть, донельзя разозлился на эту птицу на дереве: его веки слегка покраснели, а детские пухлые щеки надулись, и он уставился на пернатое, точно рассерженный фугу.

Вэнь Шань подумал, что эта птица — настоящий болван.

Он всего лишь хотел по-хорошему найти кабинет, но кабинета не нашел, зато птица его отругала. Желание разделить радость с Сы Юэ пропало, и он снова погрузился в уныние, тяжело опустив голову.

Он вздохнул: — Эх...

Птице на дереве, должно быть, показалось забавным его поведение, и она тоже протяжно каркнула: — Эх...

Интонация была точь-в-точь как у него, казалось, будто он слышит собственный голос.

Вэнь Шань сердито зыркнул на дурацкую птицу, подумав, что эта тварь ужасно досаждает.

Но не успел он высказать это вслух, как из кабинета неподалеку донесся скрип открывающейся двери. Безупречно белый, чистый башмак стукнул о прохладные нефритовые плиты.

Мужчина поднял взгляд и увидел, как юноша противостоит птице. В глубинах его глаз мелькнуло удивление, взгляд на несколько секунд задержался на босых ногах юноши, а между бровей постепенно проступила беспомощная улыбка.

Он быстро подошел, снял с себя верхнюю одежду, накинул на юношу и подхватил его на руки.

— Какое баловство, почему ты не оделся? — Сы Юэ посчитал этого малыша поистине хлопотным.

Он опустил взгляд и посмотрел на ошеломленное личико-паровую булочку юноши. Круглые глаза расширились, в красивых миндалевидных глазах отражался его собственный благородный силуэт — словно в зеркале, но в то же время совсем не как в зеркале, отражающем лишь его, а не окружающий пейзаж.

Сы Юэ увидел, что в глубине глаз Вэнь Шаня отражается только он один.

Было такое чувство, будто между небесами и землей тот был для него всем.

В груди мужчины зародилось странное ощущение — словно что-то качнулось в самом сердце, мягко задевая его раз за разом, заставляя закипать кровь.

Кончики ушей Сы Юэ с видимой скоростью окрасились в нежно-розовый цвет.

Вэнь Шань не обратил на это внимания. Увидев Сы Юэ, он словно мгновенно обрел только что утраченную радость, его глаза засияли, кончики пальцев сжались, вцепившись в воротник мужчины, и он не удержался, вытянул шею и с жадным любопытством уставился на него.

— Сы... Хозяин!

Юноша сначала хотел назвать его по имени, но, вспомнив о своем статусе, тут же исправился и громко произвел:

— Хозяин, я принял человеческий облик!

— Посмотри на меня, посмотри на меня, я принял человеческий облик!

Вэнь Шань счастливо изогнул брови и глаза, а его улыбка была подобна самой чистой и безупречной луне на ночном небосводе.

Сы Юэ словно поддался какому-то порыву, опустил голову и тоже улыбнулся в ответ.

— Мм.

Он балуяще произнес:

— Я вижу.

И не словом не обмолвился о том, что потратил большую часть своей культивации лишь ради того, чтобы позволить тому обрести человеческий облик.

Сы Юэ вернулся с Вэнь Шанем в ту самую боковую комнату, где раньше жил юноша. По сравнению с тем, как Вэнь Шань добирался туда медленными, черепашьими шагами, Сы Юэ потребовалось всего лишь ступить шаг за шагом, применяя технику сокращения земли в шаги, чтобы мгновенно оказаться внутри, чем вызвал у Вэнь Шаня легкую зависть.

Быть небожителем — это так прекрасно.

Посмотри на эти способности, а затем вспомни собственные волдыри от ходьбы.

Вэнь Шань только теперь осознал, что ранен: стопы слегка покалывало, боль была не сказать чтобы невыносимой, но всё же доставляла неприятные ощущения. Едва оказавшись в комнате, он быстро выпрыгнул из объятий мужчины и, прихрамывая, направился во внутренние покои, собираясь одеться. Но стоило ему сделать лишь шаг, как Сы Юэ протянул руку и перехватил запястье юноши.

Вэнь Шань обернулся.

Уголки губ Сы Юэ тронула улыбка, а в его глазах клубилась такая нежная, глубокая привязанность, что казалось, будто невидимые шелковые нити оплели юношу, приковав его к месту. И эта улыбка на губах мужчины словно огромная сеть по имени беспомощность накрыла их обоих.

— Твоей ноге требуется как следует отдохнуть, — произнес он. — Вернись на кровать, я намажу тебя мазью.

Вэнь Шань послушно протянул протяжное «о», уселся на краешек постели и, болтая ногами, поднял взгляд на мужчину, в руке которого чудесным образом материализовался фарфоровый флакон.

Чем ближе подходил мужчина, тем отчётливее юноша чувствовал исходящий от него тонкий мускусный аромат — словно самое пьянящее зелье на свете.

Вэнь Шань вдруг вспомнил, что верхняя одежда на его спине тоже принадлежит ему.

Внезапный жар едва не обжег его плечи, и легкое хаори на спине казалось уже не обычным платьем, а языком пламени, сквозь который всё еще угадывалось тепло чужого тела.

Юноша опустил ресницы, густо покраснев, и его длинные ресницы отбросили на щеки широкие тени.

Сы Юэ поднял руку и взъерошил волосы юноши, ласково поинтересовавшись:

— Что такое? О чем-то тревожишься?

Вэнь Шань приоткрыл рот, но в конце концов промолчал. Лишь приняв из рук Сы Юэ флакон с мазью, он тихонько произнес:

— Хозяин, я могу намазаться сам.

Сы Юэ кивнул.

Он — божество.

А Вэнь Шань — всего лишь маленький дух, только что завершивший принятие человеческого облика.

Он не мог согнуть свою гордую спину, преклонить прямые колени и опуститься на землю, чтобы самолично смазывать раны какому-то жалкому духу.

Хотя Сы Юэ и был мягок, но поступал так редко, поэтому он еще раз ласково и заботливо расспросил Вэнь Шаня, а перед уходом снова погладил юношу по голове.

В отличие от грубой шерсти маленькой степной лисицы, волосы на макушке юноши были прохладными, но на удивление гладкими и шелковистыми.

Перед тем как уйти, мужчина невольно сжал кулак, чувствуя, что ощущение под ладонью оказалось неожиданно приятным и оставляло в сердце странную тоску.

Вэнь Шань так и стоял, глядя вслед удаляющейся фигуре мужчины, и молча сжимал в пальцах флакон с мазью.

В этот момент он всё вспомнил.

Это был главный герой.

Бог Войны Сы Юэ.

И цель его задания.

— Я же говорил тебе, не привязывайся к цели задания, — раздался голос А-Эр. — Вэнь Шань, скажи мне честно, неужели ты снова влюбился в него? В ушах раздался детский, ещё с юношескими нотками голосок А-Эра. По идее, он звучал так мило, что так и хотелось прижать его к груди и затискать, но для Вэнь Шаня это был самый леденящий душу звук на свете.

Опустив взгляд, он молча слушал полное горькой боли и негодования порицание:

— Не в обиду будь сказано, но как тебя угораздило снова за своё? В первый раз было так, во второй — опять то же самое! Ты вообще собираешься жить дальше или нет?!

Вэнь Шань вдруг что-то осознал.

— Второй раз ты сказал?

Он нахмурил изящные брови, в глазах мелькнул мрачный отблеск:

— Ты хочешь сказать, что мой первый мир потерпел крах из-за того, что я привязался к кому-то?

Но... почему же он ничего не помнит?

Разъярённый голос А-Эра вмиг оборвался, словно схваченная за горло утка.

Трусливо поглядывая на промелькнувшие в глубине глаз юноши гнев и зловеющий блеск, он почему-то до дрожи испугался.

— Я... я же не со зла, я же хотел как лучше... — тихонько пробормотал он. — Т-тогда появился вирус, и я... я просто испереживался, что он заберётся к тебе внутрь, по-поэтому и перезагрузил твою память.

Выходило так, что с перезагрузкой памяти Вэнь Шаня обновилось и его духовное тело.

Только что, во время общения Вэнь Шаня с Сы Юэ, А-Эр впервые увидел главного героя этого мира.

Но стоило им встретиться взглядами, как он ощутил знакомые духовные колебания.

До боли знакомые и вызывающие яростный скрежет зубов.

Этот вирус снова преследовал их, только теперь он затаился не внутри Вэнь Шаня, а в теле того главного героя...

Злоумышленник исподтишка затаился во тьме, наблюдая за юношей, как за добычей, и ждал лишь удобного момента, чтобы утащить его в своё логове —

Вэнь Шань улыбнулся.

Впервые в жизни он разозлился на А-Эра.

— Прекрасно справляешься, — в его тоне сквозила сплошная насмешка. — Перезагрузить память? Серьёзно?

— А-Эр, я и не подозревал, что у тебя есть такие полномочия — манипулировать моей памятью?

Юноша всегда считал себя человеком с мягким характером.

С малых лет он рос совсем один, привык к одиночеству и к тому, что его используют. Даже когда после смерти он подписал контракт с Главным Богом, у него не возникло ни возражений, ни малейших претензий.

Он думал, что не умеет злиться.

Но стоило услышать, что А-Эр стёр ему память, как в груди хлынул бескрайний поток гнева, заплывший жарким, всепожирающим пламенем кармы.

В этот момент Вэнь Шань наконец понял:

Он тоже умел злиться.

И злился он по-настоящему.

А-Эр растерянно смотрел на Вэнь Шаня, не зная, за что и схватиться. Ему хотелось утешить юношу, объяснить, но стоило поднять глаза и увидеть застывшее на лице Вэнь Шаня выражение ярости — похожее на цветы туми, цветущие на дороге Хуанцюань и колышущиеся в манящей смеси красоты и зловещей порочности — как ему стало не по себе.

Прекрасны были его глаза: чистая ярость полыхала ярко-красным пламенем, настолько ослепительным, что от него веяло лёгким очарованием.

Зловещей была его улыбка: при всей предельной злости он улыбался ослепительнее, чем когда-либо.

А-Эр невольно вздрогнул, и голос его стал совсем тихим.

Чувствуя свою неправоту, он пробормотал:

— Я... я же просто...

Хотел помочь...

Однако договорить он не успел — Вэнь Шань тут же заблокировал его.

А-Эр ошеломлённо стоял в пустой тёмной комнатке. Вокруг не было ничего, абсолютно ничего

не разглядеть, единственное, что он видел — это собственное тело.

Облик, принадлежавший исключительно Системе.

Опустив глаза, он подавленно опустился на пол и принялся допытываться у самого себя: неужели он поступил неправильно?

Нет, он не ошибался.

Представься ему шанс начать всё сначала, он поступил бы точно так же.

Спрятав растерянность на дне глаз, А-Эр тихонько забился в угол тёмной комнатки.

Он усердно убеждал себя, что ничего страшного не произошло: у Вэнь Шаня мягкий нрав, долго сердиться он не станет.

И всё же, чем сильнее он себя успокаивал, тем меньше в это верил.

Потому что Вэнь Шань действительно упрямо запер его в тёмной комнате, не давая ни единого шанса сказать хоть слово, и объявил ему настоящий бойкот.

Хотя и в прошлом мире юноша нечасто выходил с ним на связь за помощью, но... прежде отношение Вэнь Шаня к нему было куда мягче.

А-Эр чувствовал себя обиженным.

Однако сколь бы горькой ни была обида, идти на попятную он не желал.

Раз уж он не собирался сдаваться, Вэнь Шань тем более не собирался принуждать его — в худшем случае он просто продолжит холодно игнорировать Систему, полностью сосредоточившись на дальнейшей культивации.

В то же время Вэнь Шань не упускал ни единой возможности собрать сведения и в конце концов выяснил, в какой именно отрезок сюжета он попал:

В этот мир он и впрямь явился на триста с лишним лет раньше положенного.

<http://bllate.org/book/21526/2210377>